

Год кабалы, начавшийся сразу за пытками, начался с отдыха Ивана. Даже жестокий Пётр понимал, что нельзя принуждать человека, которого буквально несколько часов назад беспощадно пытал, работать, да ещё и умом.

Поэтому великий кесарь дал Ивану месяц отпуска, который ещё и засчитывался Петром, как месяц работы.

Пускай Иван и был благодарен Петру за то, что тот дал ему передохнуть перед тяжёлой работой, но, в то же время, воспринимал это действие, как попытку ублажить его одноразовыми поблажками, необходимость в которых возникала, если что, по его же вине.

Впрочем, он одновременно с этим признавал, что с большинством людей, и даже с ним, если бы это был старый Иван, которых усердно обрабатывал Пётр, это бы прокатило.

Это вызывало у него уважение, однако, ярость, вызываемая жестокостью Петра по отношению к нему, да и всем, кто ему, как царю, служил, но не был другом, обладала полным превосходством над уважением к нему.

Именно поэтому подобные уступки со стороны Петра не вызывали ничего, кроме отвращения.

Отвращение, каковое вызывает у обычных людей всякая хитрость, основанная на психологии человеческого сознания, вот что он к нему испытывал чаще всего.

Однако, Иван, как уже упоминалось, вырос из того наивного юнца, не способного на терпеливое выжидание момента слабости врага.

К тому же, благодаря дисциплине, той терпкой штуке, которую Иван, по иронии судьбы, познал вместе с болью, приносимой кнутом Петра, он крайне редко показывал свои истинные эмоции царю, да и вообще кому бы то ни было, исключая разве что пару-тройку людей, которым доверял больше, чем другим. Значительно больше, чем другим, если выразаться правильно...

Впрочем, нельзя сказать, что Иван не наслаждался отдыхом, подаренным Петром. Нет, наоборот, он был ему очень рад, ведь Иван и сам давно искал достойную причину передохнуть, дабы не выгореть в ближайшее время на своей, пускай и любимой, но всё же очень трудной, работе, и вот, Ивану Пётр любезно дарит причину, какую мало какая причина переплюнет. Иван за неё даже собирался отблагодарить Петра усердной работой над всяким проектом, что Пётр подкинет Ивану.

Однако, вспомнив о своей радикальной неприязни к Петру, к сожалению оно, он отказался от этой идеи, несмотря на то, что Ивана изнутри съедала совесть за то, что он пренебрёг манерами поведения хорошего человека, гласящими, что за благие поступки надобно благодарить в равной, а ещё лучше, в большей, степени.

Впрочем, пилила она его недолго, ведь радикально настроенная злоба, по отношению к Петру, поселившаяся с недавних пор в нём, быстро избавилась от неуютного ей элемента за тот месяц отдыха, что был подарен Ивану. Кстати, месяц ведь уже прошёл, и началась работа.

На сей раз Пётр поручил Ивану дело, связанное с продуктивностью главного, после промышленности, построенной Иваном, источника богатства страны.

Если быть точнее, то дело было связано с сельскохозяйственными технологиями.

От Ивана требовалось создать для 4 регионов России максимально эффективные, для их природных условий, разумеется, схемы севооборота.

Также от него требовалось создать отечественную сеялку, которая бы отличалась от иностранных аналогов эффективностью, дешевизной и надёжностью, или хотя бы доработать наиболее успешные, по мнению Ивана, западные образцы.

Иван, давно интересовавшийся, но никогда не занимавшийся, этой темой, мигом со всем ему присущим пылом и опытом (исследователя, а не агронома) приступил к работе, и на сей раз злоба проиграла, ибо вынуждена была сражаться не со слабой совестью, силы которой подточила безнравственность, присущая каждому истинному жителю этой эпохи, коим постепенно себя стал считать и Иван, а с духом учёного, что всегда особо ярко пылал в Иване (иначе бы он не поступил в ВУЗ с целью стать настоящим учёным, воспитанным в лучших традициях советской школы точных наук, которому, тем не менее, платили бы за бытие на острие научного прогресса не больше, чем обычному официанту в московских ресторанах платят за работу, собственно, официанта).

Впрочем, стоит ли обвинять зло в том, что оно проиграло научному прогрессу, тому единственному хорошему и доброму, что есть у человечества?

p.s. В общем, чтение - погибель усердных.

Проснулся я вечером сегодня, значит, и приступил к любимому "утреннему" делу - чтению, и так зачитался, что не заметил, что уже без пятнадцати минут девять по МСК на дворе (у меня тогда был, соответственно, без пятнадцати минут одиннадцатый час, если считать по-моему часовому поясу).

Тут же встал (без пошлых шуточек, окей?), пошёл включать компьютер. Включил, сел, и снова зачитался...

Но, к счастью, когда уже почти всё написал. Остановился на моменте с сеялкой, после чего нашёл интересную статью об распространении травополя на севере Российской Империи в интернете, и, собственно говоря, начал читать её. Статья небольшая, надеюсь, меня не забанят за то, что я выложу её (не здесь, разумеется, а в комментариях, она с киберленинки, если что), она довольно интересная и познавательная.

В общем, работу я сделал.

Оправдываться за вчера не буду, нет смысла, ведь вы меня всё равно не простите.

Просто скажу, что теперь я буду выкладывать главы с периодичность в 1-2 дня, потому что лень меня побеждает порою, увы.

Впрочем, осенью я, по идее, должен начать снова выкладывать каждый день главы.

По крайней мере, планирую. Как оно получится, я, разумеется, не знаю, но, надеюсь, что всё пойдёт по плану.

p.p.s. Гений сверху вам наврал. Главы начали выходить только реже. Вот гнида, не так ли?

<http://tl.rulate.ru/book/35676/1010823>